

«Воробьиная ночь» Алексея Ремизова

С. Н. ДОЦЕНКО

В заметке А. Л. Топоркова «Воробьиная ночь» (Русская речь. 1988. № 4) были собраны лингвистические и этнографические сведения для объяснения восточнославянского поверья о «воробьиной ночи». Кроме того, упомянуты случаи использования этого поверья в русской литературе. К сожалению, от внимания автора ускользнула «сказка» А. М. Ремизова «Воробьиная ночь» (вошедшая в книгу «Посолонь», 1907). Миниатюра Ремизова любопытна прежде всего потому, что она не только прямо посвящена теме воробьиной ночи, но и опирается исключительно на фольклорный и этнографический материал, оригинально переосмысленный. Можно сказать, что никакого иного содержания, кроме фольклорно-этнографического, она не имеет. Отсюда ее предельная насыщенность фольклорными образами и мотивами. Рассмотрению их генезиса и смысла и посвящена эта заметка, имеющая характер комментария к тексту Ремизова.

Первый шаг к истолкованию текста делает сам писатель. Сопроводив «Воробьиную ночь» примечаниями, он сразу объясняет известное поверье: «*Воробьиная ночь* — так называется грозная ночь с сплошной молнией, когда лишь под утро разражается ливень». В данном случае автор следует за соответствующим местом книги А. Афанасьева «Поэтические воззрения славян на природу» (М., 1865. Т. II. С. 377; далее — только том и стр.). Описанию «бурно-грозовой» воробьиной ночи и посвящена ремизовская миниатюра: «И разомкнулось тридевять золотых замков, раскуталось тридевять дубовых дверей — туча за тучу зашла — затрещало, заикало, свистело, гаркало. *Воробушки* — ночные полуночники, выпорхнув, кинулись по небу летать». Как следует из примечания Ремизова, *воробушки* — «олицетворение молний». Этот образ навеян, бесспорно, все той же книгой Афанасьева: «..., *Воробьиная ночь*» стоит в связи со старинными сказаниями о птицах, как мифических спутниках грозы и вихрей» (II, 377). В другом месте Афанасьев сообщает, что в воробьях «олицетворялись грозные бури» (II, 378), а в образе птиц вообще — летучая молния (I, 494). Источник мотива очевиден.

Необычным кажется другой мотив — уподобление воробьиной

ночи «воробьиной свадьбе»: «Ковал кузнец воробьиною свадьбу, ковал крепко-накрепко, вечно-навечно, — не рассушить ее солнцем, не размочить дождем, не раскинет ветер, не расскажут люди. Ковал кузнец Кузьма-Демьян вековой веноч». Здесь Ремизов использует образы и мотивы русских свадебных песен. Свадьба обычно представлялась ковкою, о чем прямо говорилось в заклинательных песнях: «Кузьма, Демьян — <...>/Скуй нам свадьбу,/Крепко, твердо,/Вековечно,/Долговечно:/Люди судют,/Не засудят;/Ветром вейте,/Не развеять;/Солнцем сушить,/Не рассушить;/Дождем мочить,/Не размочить» (Шейн П. В. Великорусс в своих песнях, обрядах, обычаях, верованиях, сказках, легендах и т. п. СПб., 1900. Т. I. Вып. 2. № 1826. С. 552; далее — Шейн и №). В связи с образом «святых ковачей» (Кузьмы и Демьяна) Афанасьев пишет, что на них были перенесены «древние языческие сказания о мифическом кузнеце-громовнике» (I, 466). Это указание важно для понимания того, о чем он писал ранее — «о древнейшем представлении грозы брачным торжеством, любовною связью, в какую вступал бог-громовник с облачною или водяною (-дожденосою) нимфою» (I, 435).

Мифологическая экзегеза Афанасьева явилась основанием для уподобления Ремизовым г р о з ы — с а д ь б е (см. его прим.): «Эта ночь представляется воробьиной свадьбой, на которой невеста-воробушка перед венцом причитывает». И действительно, у Ремизова невеста-воробушка причитывает: «Понеситесь вы, ветры, с высоких гор! Подуйте, ветры, на звонки колоколы! Вы ударьте, звонки колоколы, по сырой земле, расшатайте пески, раздвоите сыру землю на могиле матери. Вы сшибите, звонки колоколы, гробову доску! Сдуйте тонко-белое полотенце! Разомкните руки матери, раскройте глаза ее, поставьте ее на ноги. Не придет ли она, не прилетит ли к моему дню, к часу великому». Причет воробушки основан на известных в свадебном фольклоре причитаниях невесты перед венцом на могиле матери (или отца). Приведем лишь один пример:

И пойду я на колоколенку,
И ударю трижды в колокол,
И побужу своего родителя!
Расступися, мать сыра земля,
Расколися, ты гробова доска,
Раздерися, полотно белое!
Вы растворесь, очи ясные!
Разомкнитесь, уста сахарные,
Раскатитесь вы, руки белые. <...>» (Шейн. № 1327)

Среди почти двух десятков вариантов причитаний, собранных у Шейна, а также у Е. В. Барсова (Причитанья Северного края. М., 1872. Ч. I), нет ни одного, в точности соответствующего ремизовскому. Скорее всего, писатель использовал мотивы нескольких вариан-

тов, составив свой, в некотором смысле «сводный». Свадебная тема позволила ему включить в свою миниатюру текст свадебного причитания. Что касается мотива «невеста-воробушка», то можно предположить: он — ремизовское новообразование, вытекающее из уподобления: г р о з а = с в а д ь б а. Следовательно, воробьиная грозовая ночь = воробьиная свадьба (тем более, как писал Афанасьев, «воробей... птица, с избытком наделенная силой любовного жара...» (II, 377); ср. у Ремизова: «нагуливались воробушки до любви»). Но этот мотив встречается и в русских свадебных песнях.

Один такой вариант находим у Шейна (№ 2114, записано в Курской губернии), причем воробей — жених, а воробушка — невеста. Еще два варианта приведены в исследовании М. Халанского «Народные говоры Курской губернии» (СПб., 1904), которое Ремизов использовал при написании «Посолони» [ср. в книге «Иверень»: «Однажды я сделал опыт: я вспомнил, что надо прикоснуться к земле и только тогда оживу. Я взял Областные словари, издание II Отделения Академии Наук, и, медленно читая, букву за буквой, я, не спеша, обошел всю Россию. И откуда что взялось. Моя „Посолонь“ — ведь это не выдумка, не сочинение — это само собой пришло — дыхание и цвет русской земли — слова» (Ремизов Алексей. Иверень: Загогулины моей памяти. Berkeley, 1986. С. 25); «Посолонь» пестрит заимствованиями из книги М. Халанского, напечатанной в Сборнике Отделения русского языка и словесности Российской Академии Наук (Т. 76. № 5)]. Здесь в свадебной песне воробушка — невеста, а сокол — жених. Кстати, у Халанского встречается выражение «воробушка, воробей, рахманная пташечка». Возможно, оно явилось источником следующего эпитета у Ремизова: «Летали воробушки, прятались-тулились рахманные под небесные ракиты, под мосты калиновые...»

Таким образом, инспирированная Афанасьевым мифологема подкрепляется материалом русского свадебного фольклора. Это один из принципов, которым руководствуется Ремизов при обращении к фольклорной традиции: у него каждый народный образ в той или иной степени опирается на реальные тексты. Хотя при этом он может совершенно утратить связь с первоначальным контекстом и играть роль «декоративного» элемента. Так произошло, например, с образом «воробьевых гор»: «И падали кто как попало, бесхвостые, бесклювые, с неба на землю, — навалили горы воробьевые. И ничего-то не родила гора, родила воробьева гора один бел-горюч камень».

Мотив г и б е л и воробьев также взят писателем из книги Афанасьева: «По южно-русскому поверью, в темные воробьиные (или осенние) ночи ч е р т м е р я е т в о р о б ь е в: часть их отпускает на волю, а другую п р е д а е т с м е р т и...» (II, 377—378). Горы

погибших воробьев («воробьевые горы») ассоциируются у Ремизова с колоритным образом русских песен, которые он и цитирует: «Ах вы, горы, горы Воробьевские!/Породили, горы, бел горяч камень...»; «Ничего-то вы, горы, горы, не спородили;/Спородили вы, да горы, сер горяч вы камешек» (Соболевский А. И. Великорусские народные песни. СПб., 1895. Т. I. №№ 362, 365).

Цитируя песню, Ремизов оставляет без внимания ее основное содержание, поскольку оно никак не связано с темой «воробьиной ночи» или «свадьбы». Перед нами пример «авторской» этимологии. Со свадебной символикой связаны другие мотивы — «небесные ракиты», «мосты калиновые», «девичья краса» и «девичья воля», «раскачен жемчуг — васильковая слеза» (о параллелизме *катятся слезы* = *катится жемчуг* см.: Веселовский А. Н. Историческая поэтика. Л., 1940. С. 146). Со свадебной символикой связан и другой мифологический образ у Ремизова: п и р, на котором «разбили сорок сороков, тридцать три бочки,— и хлынуло пиво-мед пьяное-распьяное. Все поля и луга, леса, перелески, заборы и крыши до корня смочены». Эти бочки разбили воробушки-молнии, которые «справляля великий запой, хмельные ворушили, с пьяных глаз вили воробушки не воробьиное — гнездо ремезовое».

Пиво-мед — метафора дождя, как то следует из книги Афанасьева: «Главнейшими символами молнии была с т р е л а, а д о ж д я — м е д и в и н о; и то и другое играют важную роль в свадебном обряде» (1, 461). А. Н. Веселовский в качестве примера песенного параллелизма упоминает ту же символику: ветер, буря, дождь = пиво, мед, горелка (Историческая поэтика. С. 150). Воробьиная ночь с дождем и молнией в то же время и с в а д е б н ы й п и р, «где гости перепились и полегли» (Там же. С. 151). И здесь Ремизов, опираясь на фольклорные образы (свадьбы и свадебной поэзии — ср. у П. Шейна № 1773: «У меня свадьбка сонаражена:/Сорок варей пива сварено»), дает мифологическую интерпретацию «воробьиной ночи». Очевидно, что без реконструкции фольклорно-мифологического подтекста многие образы и мотивы Ремизова теряют смысл. Об этом же, как о неперменном условии, писал еще М. Волошин: «Для того, чтобы понять и оценить сказочную фауну „Посолони“, необходимо дойти до истока каждого из мифов, собранных там» (Волошин Максимилиан. Лики творчества. Л., 1988. С. 511).

Представляется, что в свете всего изложенного проницательная мысль критика получает более основательное подтверждение.

Таллинн